

Глава 2

Вэй Чэн всё же решил заглянуть к дому старосты. Увидев, что ворота единственного во всей деревне двора с черепичной крышей наглухо заперты, а со ступеней никто даже не смёл снег, он развернулся и пошёл обратно.

«Похоже, он ещё не вернулся»

Вэй Чэн бросил взгляд на малыша, ростом доходившего ему едва ли до колена, и, встретившись с его ясными чёрными глазами, серьёзно произнёс:

— Я не могу взять тебя с собой. У меня... у меня тоже нет дома. Пойдёшь со мной — только намучаешься. В деревне много добрых людей, может, поищешь сам?

Мальчик шмыгнул носом и кивнул.

Вэй Чэн отпустил его холодную ладошку и, взвалив на спину плетёную корзину, зашагал прочь. Он прошёл уже довольно далеко, но за спиной так и не раздалось ни звука.

Ноги вдруг словно свинцом налились, не давая сделать и шага. Он обернулся. Малыш по-прежнему стоял на том же месте. Его обветренное красное личико было залито слезами, которые он размазывал грязными ручонками.

Вэй Чэн глубоко вздохнул, и его глаза тут же предательски заблестели. Почему-то он вспомнил, как точно так же провожал взглядом уходившую мать, когда та выходила замуж во второй раз.

«Вот только она ни разу не обернулась. Если бы она тогда оглянулась на него, всего в слезах, может быть...»

Впрочем, неважно.

— Не плачь, ну что ты...

Юноша вернулся к мальчику и, вздохнув, словно маленький старик, сказал:

— Я могу забрать тебя лишь на время. Как только дядюшка-староста вернётся, я отведу тебя к нему, и он найдёт тебе хороших приёмных родителей.

Горшочек всхлипнул и кивнул, его глаза покраснели от того, что он их тёр.

Этот старший брат был хорошим человеком, от него веяло теплом, он даже обещал найти ему обувь и тёплую одежду. Ребёнок понимал его слова, но, когда брат уходил, ему становилось очень, очень грустно.

— Как тебя зовут? — Вэй Чэн погладил его по голове. — У тебя есть имя?

Горшочек на мгновение задумался, а затем протянул брату свой маленький глиняный горшочек и медленно, с трудом, почти шёпотом пролепетал своим молочным голоском:

— Гор-шо-чек.

— Тебя зовут Горшочек? Постой-ка... так ты не немой? Просто говорить почти не умеешь?

Вэй Чэн был приятно удивлён. К счастью, мальчик не был немым, иначе найти ему приёмную семью было бы куда сложнее. Вэй Чэн присмотрелся: на лбу у него не было красной родинки, присущей всем гээр, а значит, перед ним был обычный мальчик.

— Брат? — указал на себя Вэй Чэн.

Малыш, моргая покрасневшими глазами, приоткрыл рот и тихо, словно котёнок, позвал:

— Брат.

— Я слышал, у мамы тоже родился сын. Наверное, он такой же милый и послушный, как Горшочек.

Вэй Чэн кашлянул и улыбнулся, но тут же снова помрачнел, раздумывая, как незаметно пронести ребёнка в дом семьи Вэй.

Его взгляд упал на маленького спутника и плетёную корзину. Кроха был таким крошечным, что идеально помещался внутри.

Когда Вэй Чэн вернулся, во дворе никого не было. Он быстро проскользнул в дровяной сарай и, не успев даже выпустить Горшочка из корзины, услышал, как кто-то с грохотом колотит в дверь.

— Вэй Чэн! Вэй Чэн! Что ты там прячешь? А ну открывай! Это мой дом, живо открой мне! Ещё раз ослушаешься — будешь в сортире жить!

— Ха-ха-ха, выродку самое место в сортире!

Вэй Чэн стиснул зубы и до боли сжал кулаки. Если бы не Горшочек, он бы уже отколошматил этих двух мелких негодяев так, что они бы родную мать не узнали.

И как только у Вэй Тяня и Вэй Дэ повернулся язык назвать это своим домом, когда, по сути, всё поместье принадлежало Вэй Чэну?

Вэй Чэн был сыном старшего из братьев Вэй — Вэй Даньена. Тот был охотником и, полагаясь лишь на свои силы, не только ухаживал за парализованным отцом до самой его смерти, но и вырастил сводных младших братьев и сестёр. Он построил дом, купил землю, женил обоих братьев — вся семья жила за его счёт. Сам он из-за шрама, полученного в молодости на охоте, долго не мог найти себе жену и женился лишь в двадцать четыре года.

Но его мачеха, старуха Фан, оказалась бессовестной. Когда Вэй Даньен в последний раз ушёл в горы и был задран до полусмерти медведем-слепышом, а через месяц скончался, она, не желая ничего отдавать, тут же разделила семью.

Они не учли одного: мать Вэй Чэна, Цинь-ши, не была из тех, кто безропотно сносит обиды. Сразу после раздела она тайно продала оставшиеся от мужа четыре му земли и, забрав сорок лян серебра и четырёхлетнего сына, вернулась в свою семью в соседней деревне. Спустя три года траура она вышла замуж за богатого вдовца, а семилетнего Вэй Чэна просто отправила обратно в деревню Маоси.

Юноша до сих пор помнил, как в прошлом году дядя и дед по материнской линии привезли его обратно в дом семьи Вэй со словами: «Он из вашего рода Вэй. Если он вам не нужен, то и нам, Циням, он даром не сдался».

Две семьи сцепились в драке, и лишь приход старосты деревни Маоси положил конец перебранке. Ли Маодэ был человеком рассудительным и несколькими фразами заставил семью Вэй сгореть со стыда. Семья Цинь удалилась с гордо поднятой головой, оставив тощего, как скелет, ребёнка.

Вэй Чэну, по правде говоря, было всё равно. И в доме деда, и в доме семьи Вэй его не любили и недокармливали. Обе семьи презирали его, обзывая волчонком с неблагодарным сердцем, потому что он всегда давал сдачи, а если не мог — молча терпел побои до синяков, но никогда не плакал и не просил пощады. Давали еду — он ел, не давали — находил сам. Заставляли работать — он работал, но всегда умудрялся урвать что-то для себя. Иначе он бы давно умер с голоду.

Этот дровяной сарай когда-то был комнатой его семьи. За последние годы он превратился в склад дров и всякого хлама, но, к счастью, там остался дощатый настил, так что у юноши было где спать.

Он спрятал Горшочка в узкую щель между высокой поленницей и стеной, а затем открыл дверь. На пороге стояли Вэй Тянь и Вэй Дэ.

Вэй Тянь, тощий и смуглый коротышка, был вторым сыном его второго дяди. В девять лет, будучи на год старше Вэй Чэна, он вёл себя заносчиво и в деревне, и дома, потому что его старший брат Вэй Чжи умел читать.

Вэй Дэ, единственный сын третьего дяди, был любимцем старухи Фан и незамужней тётки Вэй Линьлан. Его постоянно подкармливали тайком, отчего он был белый и пухлый. В свои восемь лет он так растолстел, что глаз почти не было видно.

— Что такое? — холодно спросил Вэй Чэн.

Вэй Дэ, пользуясь своей юркостью, проскользнул в сарай и указал на корзину на полу:

— Когда ты вошёл, она была тяжёлая, а сейчас в ней ничего нет!

— Говори, что ты спрятал! — подхватил Вэй Тянь.

Они уже собирались начать обыск. Вэй Чэн похолодел.

— Что я мог спрятать? Немного хвороста да дров. А вот я вчера видел, как тётушка Линьлан сначала вышла из кладовки, потом зашла в комнату третьего дяди, а после свернула к кабинету старшего брата. В руках у неё был свёрток из промасленной бумаги, пахло так вкусно... Не знаю, утка жареная или курица...

— Дурак, это была жареная куриная ножка! Жирная, ароматная, я целую съел!

Вэй Дэ выпалил это и тут же закрыл рот рукой. Глаза Вэй Тяня покраснели от злости. Он с грохотом пнул дверь сарая и заголосил:

— Бабушка! Вы ко мне несправедливы!

Его спутник тут же выбежал следом.

Вэй Чэн облегчённо вздохнул. Старуха Фан больше всего любила грамотея Вэй Чжи и свою драгоценную дочь Вэй Линьлан, а затем — сладкоречивого Вэй Дэ и младшего сына Вэй Саньняня. Хитрый и жадный Вэй Тянь в этот список не входил. Но у него, в конце концов, были и отец, и мать, и старший брат, так что юноше с ним было не сравниться.

Он вытащил Горшочка из-за дров. Малыш вёл себя тихо и послушно дался на руки.

Хорошо, что сейчас зима, и в каждом доме полно дров. Летом его бы так просто не спрятали.

В сарае раздалось тихое, протяжное урчание. Вэй Чэн посмотрел на кроху. Тот покраснел и, потирая животик, пролепетал:

— Он зовёт, нет... Горшочек.

Вэй Чэн рассмеялся, подавляя кашель:

— Ты просто голоден. Брат сейчас запечёт тебе картошки.

К слову, в тот день, когда он собирал картошку, метель была страшная. Пойди он на день позже, не заболел бы так сильно. Но Вэй Линьлан вдруг захотелось картофельных шариков, а старуха Фан тут же, словно смерть за ним гналась, отправила его на поле деревенского богача. У того было много земли, и наёмные работники не всегда собирали урожай начисто. Зимой бедняки часто ходили на его поля в поисках остатков, и хозяин закрывал на это глаза.

В общем-то, многие дети так делали, и ничего страшного в этом не было, вот только на Вэй Чэне не было ни одной приличной тёплой вещи, а ботинки прохудились так, что виднелись пятки. Продуло его насквозь, и он слёг. К счастью, он успел припрятать немного картошки и батата, чтобы кое-как перебиться. Зимой работы было мало, и семья Вэй его не кормила.

Он поставил на огонь старый глиняный горшок с лекарством. Этот горшок остался от отца, и семейство Вэй, видимо, из суеверия, не стало его забирать. Рядом с огнём юноша положил две картофелины, чтобы они медленно запекались.

Можно было не бояться, что запах лекарства или печёной картошки привлечёт чьё-то внимание. Сарай стоял на отшибе, и сюда редко кто заглядывал. Разве что летом, когда нужны были молотки и мотыги для полевых работ, или когда в доме заканчивались дрова.

Малыш, поджав ручки, сидел на корточках у огня. Его круглые глаза следили за каждым движением брата, и он сглотнул слюну.

— Вкусно... брат, ножка? — с надеждой спросил он.

Вэй Чэн на мгновение замер, а потом, давясь кашлем, рассмеялся:

— Это не куриная ножка, это картошка. Она тоже очень вкусная.

При упоминании куриной ножки юноша и сам сглотнул слюну.

— Конечно, куриная ножка — самое вкусное, что есть на свете. Ароматная... Я уже почти забыл её вкус. Когда я был маленьким, мы с отцом часто ходили в горы. Он ловил диких кур и жарил их для меня на костре. Разводил маленький огонёк, и ножка жарилась до хрустящей, золотистой корочки, с которой капали крошечные капельки жира, а потом её посыпали солью...

Горшочек облизал губы и прикрыл рот Вэй Чэна своей маленькой ручкой:

— Не говори, брат.

— Хорошо, не буду, — улыбнулся Вэй Чэн. — Вот пойдём снова в горы, и я поймаю для тебя кролика!

Когда картошка испеклась, оба мальчика с жадностью набросились на еду. Горшочек ел с таким аппетитом, что проглотил даже подгоревшую кожуру, измазав лицо в чёрной саже. Казалось, он никогда не пробовал ничего вкуснее.

— Брат.

Кроха с наслаждением облизал губы:

— Горшочек не хочет ни ножку, ни кролика. Горшочек хочет каждый день есть картошку...

Вэй Чэн улыбнулся. Какой же милый этот малыш, куда милее избалованного Вэй Дэ. Он протянул руку и вытер его испачканное личико.

— Хорошо, брат будет тебе печь.

Два ребёнка грелись у маленького костра. Глядя на Горшочка, Вэй Чэн подумал, что когда староста вернётся и найдёт ему новый дом, там наверняка тоже будут дети. А что, если они окажутся такими же злыми, как Вэй Дэ и Вэй Тянь? Будут ли они обижать кроху?

Но что он мог поделать? Он и сам жил на птичьих правах. Весной и осенью он ещё мог сбегать в горы, чтобы выкопать съедобные корни. Накопленные медяки он тайно обменял на зерно, чтобы пережить зиму, но и оно уже подходило к концу.

На душе у юноши стало тоскливо. Он вздохнул:

— Горшочек, послушай брата. Если... если у тебя появятся новые родные, и они будут плохо к тебе относиться, будут бить и ругать, ты приходи ко мне.

Увидев в водянистых глазках ребёнка полное недоумение, Вэй Чэн терпеливо объяснил:

— Смотри, брат печёт тебе картошку, даёт тёплые ботинки. Брат не бьёт тебя, не обижает.

Горшочек понял и закивал головой, как цыплёнок, клюющий зёрна.

— Если кто-то будет тебя бить, ругать, не давать еды... даже если и будет давать, но плохую, это значит, они плохие. Ты не бойся, иди к брату, понял?

— Понял, — молочным голоском ответил малыш. — Брат хороший. Кто бьёт Горшочка, кто бьёт брата — плохой.

Вэй Чэн почесал затылок, ему стало немного неловко:

— Ну... да, получается так.

Хороший ли он? Он ведь даже не может помочь этому ребёнку...

Через некоторое время, сытый и согревшийся, Горшочек начал клевать носом. Его длинные ресницы лениво опускались, а в грязных ручонках он всё так же крепко сжимал свой маленький глиняный горшок. Вэй Чэн осторожно перенёс его на дощатый настил и уложил спать. Он хотел забрать горшочек, боясь, что малышу неудобно, но тот вцепился в него так крепко, что отобрать было невозможно.

Вэй Чэн оставил его в покое, а сам снова сел на корточках у огня, помешивая в котелке лекарство. Он решил, что когда Горшочек проснётся, ему тоже нужно будет дать выпить чашку отвара.

Так прошло два спокойных дня. Лекарство у Вэй Чэна закончилось, и он решил завтра снова сходить к дому старосты.

Ночью ветхая дверь сарая с грохотом распахнулась от сильного удара снаружи.

<http://bllate.org/book/15346/1372662>